

тике возможен выход из динамо-неравновесного состояния мира и России. Будем надеяться, что реставрация капитализма в криминальном виде скоро закончится. Двадцать лет смуты ослабили страну, измучили народ. После уничтожения русского советского раннего (аграрного) социализма необходимо восстановление социализма в более зрелом виде, соответствующего уровню и развитию производительных сил и производственных отношений и национально-культурным особенностям страны.

Литература

1. Зюганов Г. А. Идти вперед / Г. А. Зюганов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мол. гвардия, 2007. – 496 с.
2. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2007. – 704 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. В 2 т. / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2005.
4. Кожемяко В. С. Валентин Распутин. Боль души / В. С. Кожемяко. – М. : Алгоритм, 2007. – 288 с.
5. Кожемяко В. С. Время борьбы / В. С. Кожемяко. – М. : Изд-во ИТРК, 2007. – 328 с.
6. Кожемяко В. С. Лица века в беседах, воспоминаниях, очерках / В. С. Кожемяко. – М. : Изд-во ИТРК, 2007. – 496 с.

**ЖАМБАЛДОРЖИЙН
ЖАРГАЛСАЙХАН**

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ КОЧЕВНИЧЕСТВА В НАУКЕ

Кочевничество есть особая форма хозяйственной, экономической деятельности и связанного с ней образа жизни людей. Кочевое скотоводство как способ производства материальных благ зародилось в конце II – начале I тысячелетия до н. э. в среде горно-степных племен Евразии, в ходе общественного разделения труда, при выделении скотоводства в самостоятельный вид хозяйства. С ростом производительных сил и заселением новых областей часть племен переходила от оседлого и полuosедлого пастушеского скотоводства к подвижному скотоводству. Переход к кочевничеству способствовал росту поголовья скота, освоению ранее не заселенных областей резко-континентальных районов и аридной зоны, развитию связей между племенами. Подвижное кочевое скотоводство развивалось на горно-степных, плоскогор-

но-степных и полупустынных территориях Центральной и Средней Азии у гуннов, тюрков, монголов, казахов, узбеков, киргизов, на Аравийском полуострове у арабов, в Африке на полупустынных территориях у туарегов, арабов-бедуинов, беджа, мазаев и др. Возникновение подвижного скотоводства имело немаловажное значение для социально-экономического развития человечества, обусловив появление первого крупного общественного разделения труда и частной собственности на одно из главных средств производства – скот. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие были двумя основными направлениями хозяйственной, экономической деятельности на начальном этапе развития цивилизации. Через кочевничество прошли многие народы, ныне живущие в оседлости, имея кочевой, полукочевой с элементами земледелия образы жизни. Кочевничество в своем развитии создало не только производственно-хозяйственную, хозяйственно-культурную базы своей своеобразной специализированной жизнедеятельности, но и самобытную кочевую цивилизацию. Сегодня кочевничество существует частично в тех местах мира, где сначала оно образовалось в чистом виде [1].

На стадии развития социальных и гуманитарных наук кочевничество естественным образом привлекло их внимание как предмет исследования, как одна из форм социально-экономического развития человечества. Становление и развитие кочевничества в истории человечества и его проблемы были впервые исследованы с научных позиций классиками марксизма. К. Маркс детально рассматривал исходное положение происхождения первого социально-экономического подъема человечества и считал кочевничество одной из первых его форм. Он пишет: «Пастушество, как и вообще кочевой образ жизни, есть первая форма существования людей, ... племя первоначально не живет оседло на определенном месте, а, передвигаясь, использует встречающиеся ему пастбища (люди оседлы не от природы), ...общность по племени, природная общность выступает не как результат, а как предпосылка совместного присвоения (временного) и использования земли» [2]. Кочевой образ жизни, по его мнению, есть не новый, а старый, проверенный временем вид хозяйственной деятельности, и он исходит из корней человеческой жизнедеятельности вместе с коллективностью. В дальнейшем кочевой образ жизни сохраняется у пастушеских племен и

служит основным способом производства материальных благ. Ф. Энгельс считал, что процесс возникновения подвижного кочевого скотоводства есть важный исторический этап и придавал ему большое значение. Он писал: «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров – это было первое крупное общественное разделение труда» [3]. Благодаря возникновению пастушеских племен произошли коренные изменения в социально-экономическом развитии человечества на данном этапе. По мнению Энгельса, «на средней ступени варварства... мы находим также разделение труда между пастушескими народами и оставшими племенами... следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена» [4]. На этой ступени, в ходе первого крупного общественного разделения труда появилась частная собственность на одно из главных средств производства – скот. Появление пастушеских племен привело к разложению первобытнообщинных родовых отношений и возникновению новых форм общественной организации, основанной на производственном уровне. По мнению Энгельса, «появляющаяся частная собственность на стада и предметы роскоши вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары», «...скот сделался товаром, ...приобрел функцию денег и служил деньгами и уже на этой ступени» [5; 6]. К. Маркс отмечал: «Кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов» [7]. Таким образом, становление пастушеских племен и, следовательно, возникновение кочевого скотоводства впервые существенным образом обусловило укрепление частной собственности и появление классового общества.

Также классики марксизма попытались определить формы собственности кочевников. Как уже отмечено, по мнению Энгельса, частная собственность на скот появилась в ходе возникновения пастушества. А собственность на землю у кочевников, по мнению Маркса, является общей, и пастбища «на каждом месте стоянки временно используют сообща» [8], при этом «присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля», т. е. не земля, а скот у кочевников рассматривается как капитал. Кроме этого, нужно отметить, что сословная монополярная собственность на землю отсутствовала у кочевников.

Что касается общественной организации у кочевников, то Маркс связывает ее со спецификой их производственной жизнедеятельности. Он писал: «У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это – общество совместно путешествующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни» [9]. Созданные племена кочевников не чисто кровнородственные. В них могли входить неродственные семьи и группы. Основой этой организации являются «хозяйственно-самостоятельные семьи, имевшие в частной собственности скот (капитал). Но семьи не могли существовать изолированно по хозяйственным, военным, и другим соображениям» [10]. Объединение родственных и неродственных семей и групп, или сегментация семей, принимало искусственное идеологическое обоснование племенной общности в виде генеалогического родства, единства происхождения. А выступали они в действительности как соседские. Формально-генеалогическая общность и племенная структура были наиболее подходящими в условиях подвижной жизни, частых войн для скотоводов-кочевников. В годы войн интересы скотоводческого хозяйства уступают место военным политическим интересам [11]. Семьи, группы и объединения начинают выступать молниеносно, как подразделения военной организации. Мобильность кочевников-скотоводов связана со спецификой их жизнедеятельности. Усиливается централизованная власть. Кроме этого, феодальные отношения у кочевников Маркс связывает с условиями их военной жизни. Он писал: «...этот вид феодальных прав возникает у всех полудивилизованных народов в результате воинственного образа жизни» [12]. Специфический образ жизни кочевников выработал собственные структуры общественных организаций.

Таким образом, труды К. Маркса и Ф. Энгельса по изучению генезиса социально-экономического развития человечества приобрели в дальнейшем основополагающее значение для социальных и гуманитарных наук, в том числе для изучения проблемы кочевничества.

Социальные, гуманитарные науки – история, археология, этнография – со своей стороны также немало внимания уделяли проблеме кочевничества. Исследованию различных сторон жизнедеятельности кочевых народов посвящено немало работ ученых. Особенно в Советском Союзе с 30-х гг. XX в. ученые, историки и этнографы, интенсивно исследовали эти проблемы.

Особый интерес вызывает дискуссия среди историков и этнографов о феодальном характере социально-экономических отношений кочевых народов. В стремлении определить своеобразие феодальных отношений кочевников советские ученые выдвинули понятие «патриархальное феодальное отношение». Но они по-разному определили суть кочевого общества и не пришли к единому мнению. Одни находят уже у древних кочевников развитый феодализм [13], другие считают, что существовал специфический «кочевой феодализм» [14], третьи утверждают, что феодальное отношение сочеталось у кочевников с сильными патриархальными пережитками и характеризуют их общественный строй как «патриархально-феодальный» [15]. Основу кочевого феодализма видят они также по-разному. Некоторые считают, что скот является основной феодальной собственностью, другие полагают, что это земля [16].

Первыми исследователями жизнедеятельности кочевых народов можно назвать таких ученых, как Б. Я. Владимирцов, Л. Н. Гумилёв, В. В. Бартольд, С. А. Козин, Т. А. Жданко, Ю. Н. Рерих, А. Н. Бернштам, А. Позднеев, Благодаря их работам открывается общая картина кочевого общества: сущность, причины становления, структура и его основные проблемы.

Особое место в изучении жизнедеятельности кочевых народов занимает работа Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (Л., 1934). Он был крупным исследователем языка, фольклора, литературы и истории Монголии. Опираясь на большой фактический материал, он правильно подчеркнул феодальный характер общественного строя кочевого народа. В работе имеется много сведений по истории, хозяйству и быту монгольского народа. Б. Я. Владимирцов выдвинул понятие «кочевой феодализм», т. е. особый, кочевой тип феодального строя. Однако его концепция о господстве феодального способа производства у кочевников отвергается некоторыми советскими учеными. По их мнению, он переоценивал степень зрелости феодализма как господствующего способа производства у монголов XIII в. Некоторые из них считают, что монгольское общество при Чингисхане находилось «на стадии перехода от рабовладельческих отношений к феодальным» [17], другие считают, что «общественные отношения у кочевых народов нельзя рассматривать как особый, «кочевой» тип феодального строя. У кочевых народов суще-

ствовало, в сущности, то же феодальное общество, что и у земледельческих народов. Тем не менее, идею Владимирцова мы считаем заслуживающей внимания и рассмотрения. Ведь он опирался на живые факты и делал обоснованные выводы. Нельзя отрицать своеобразность общественной организации кочевников.

Заметно выражаются идеи авторов советского периода, которые пытались определить сущность кочевого общества только с позиции теории общественно-экономической формации. Надо учитывать, что разнообразие существует и в общественных организациях.

Другое не менее важное место занимают работы историка и географа Л. Н. Гумилёва по изучению кочевого общества. Он создал учение о человечестве и этносах как биосоциальных категориях, исследовал биоэнергетическую доминанту этногенеза (назвал ее пассионарностью). Его концепция по истории этноса степных кочевых народов – тюрков, монголов – имеет непосредственно прямое значение для исследования кочевничества со стороны истории и этнографии. Он считает, что кочевники из Великой степи сыграли немалую роль в мировой цивилизации, не меньшую, чем другие народы – европейцы, китайцы, египтяне, персы и ацтеки. По его мнению, в Степи происходили социальные изменения, этнические процессы, как и у других народов мира. Хозяйственная деятельность кочевников развивалась не хуже, чем у оседлых народов Востока и Запада.

В СССР в середине XX в. проблемами кочевничества занимались такие ученые, историки и этнографы, как: А. И. Першиц, С. И. Руденко, В. С. Батраков, С. М. Абрамзон, Л. М. Потапов, Г. Е. Марков, Л. П. Лащук, С. Е. Толыбеков, С. В. Киселев, С. П. Толстов, Н. Я. Бичурин, Э. С. Маркарян, В. В. Трубецкой, Б. В. Андрианов, А. М. Хазанов, И. Я. Златкин. Этими учеными проводились как анализ структуры общественного строя кочевников, так и его сопоставление с развитием общества оседлых земледельческих народов. Особый интерес вызывают два основных направления взглядов на патриархально-феодальную структуру кочевого общества, выдвинутые С. Е. Толыбековым и Л. М. Потаповым. В своих статьях и монографии «Кочевое общество казахов в 17 – начале 20 вв.» (Алма-Ата, 1971) С. Е. Толыбеков широко рассматривает жизнедеятельность казахского народа, выделяет разные факты и делает выводы. По его мнению, кочевое общество более застойно и консервативно, чем общество оседлых народов, про-

должительность производства более длительная, ремесло и духовная культура не развиты в связи с родовым бытом, т. е. «патриархально-феодальный строй [выступает] у кочевников как нечто постоянное и неизменное». По С. Е. Толыбекову, общество кочевников есть начальная стадия феодализма, при котором был еще жив патриархально-родовой быт. Широкая общинная форма землевладения и землепользования, частная собственность только на скот содействовали тому, что земля выступала лишь условием производства. Он пишет: «Там, где преобладающим видом общественного производства было кочевое скотоводство, основным средством производства и средством эксплуатации был скот» [18]. А пастбища «принадлежали фактически тому, у кого был скот», при этом основное средство труда – скот – служит «проводником воздействия человека на дикорастущую траву, превращая ее посредством поедания в молоко, мясо, шерсть и кожу». По его мнению, патриархальное феодальное общество есть общество, названное Ф. Энгельсом «высшей ступенью варварства» [19]. Он относит кочевников к первобытному обществу, помещает их на одну из ступеней моргановской периодизации [20]. С. Е. Толыбеков считает, что средневековые кочевники в своем развитии находились почти на таком же уровне, как первобытные пастушеские племена, и не могли подняться выше стадии патриархально-феодального общества в связи со специфическим кочевым хозяйством. Многие исследователи с этими выводами С. Е. Толыбекова не согласны. «Нельзя проводить аналогию между существовавшими в древности первобытными пастушескими племенами, которые еще не знали частной собственности на землю и скот и вели бродячий образ жизни, и народами, стоящими на более высокой ступени общественного развития – кочевыми народами» [21].

В статье «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов средней Азии и Казахстана» Л. П. Потапов отвергает концепцию С. Е. Толыбекова. Он считает, что у кочевников существует только земельная собственность, как и у оседлых земледельцев. Л. П. Потапов пишет: «Основным средством производства у кочевников является земля. Сюда относятся пастбища и кочевья, пахотные земли, охотничьи территории и т. п. Именно земля в конечном счете была решающим условием для ведения кочевого скотоводческого хозяйства... С утверждением

кочевого скотоводства как ведущей отрасли хозяйства основным средством производства, у кочевников стали большие необитаемые пространства пригодные для летних и зимних пастбищ в течение круглого года» [22]. Скот есть у феодала и у простого кочевника, поэтому он не является монопольной собственностью феодала. Но средством производства является не только земля, но и скот тоже. Но Л. П. Потапов не обратил внимания на множество форм собственности на землю при феодализме. Они существовали не только в обществе кочевников, но и в оседлых земледельческих обществах. По мнению многих исследователей, «у кочевых народов не существовало феодальной собственности на землю в ее «чистой», «классической форме» [23]. Л. П. Потапов изучает факты из жизни не отдельных кочевых народов на различных этапах их развития, а разных народов, в разные времена. «...Конкретная социально-экономическая история кочевых народов недостаточно изучена. Даже в тех случаях, когда мы располагаем достоверными данными по истории одного из кочевых народов, нельзя делать выводы, основанные на этих данных, распространять на все кочевые народы. Неправильно также делать заключения, опираясь на факты, относящиеся к различным эпохам исторического развития» [24].

Кроме С. Е. Тольбекова и Л. П. Потапова, другие ученые и исследователи советского периода делают разные интересные выводы по изучению кочевого общества. Г. Е. Марков рассматривал общественную организацию кочевников и назвал ее «общинно-кочевой» [25]. В общинно-кочевое объединение (племена) входят, как уже отмечено, кроме родственных, и неродственные семьи и группы. Такое объединение принимало искусственное идеологическое обоснование племенной общности в виде генеалогического родства, единства происхождения. В условиях войн племена кочевников превращались в военную организацию. Военная структура (десятичная система) усиливала смешанность племенного состава. При этом родственный принцип играл лишь идеологическую, формальную роль, как и в мирное время. При такой централизованной военной власти – с сохранением скотоводческого экономического базиса – в принципе, ничего не менялось. Г. Е. Марков назвал эту организацию «военно-кочевой». Кроме этого, по его мнению, общественная организация кочевников оказывается также «подвижной», т. е. она обратима в

прежнюю форму. Он пишет: «Переход общественной организации из “общинно-кочевого” состояния в “военно-кочевое” и обратно – явления обратимые. После распада кочевых империй в подвластных им земледельческих областях складывались новые государства, тогда как в местах обитания подвижных скотоводов возрождалась в том или ином виде общинно-кочевая организация» [26]; «...общинно-кочевая структура не разлагалась в империях кочевников, а функционировала до тех пор, пока существовало кочевничество» [27]. Если переход общественной организации у кочевников – обратимое явление, то у оседлых земледельческих народов – необратимое: с исчезновением земледельческих государств появлялись новые, с новой общественной организацией, не уступающей прежней.

Кроме этих исследований по изучению жизнедеятельности кочевых народов большую научную ценность имеют исторические летописи. Летопись «Сокровенное сказание» неизвестного автора, вышедшая в 1240 г. в переводе С. А. Козина, и сборник летописей Рашид ад Дина, опубликованный в 1952 г., верно отражают процессы формирования и существования монгольской кочевой империи и жизнедеятельности простых кочевых народов. Кроме названных литературных источников немало интересных фактов по истории кочевого общества монголов сообщают путешественники – монахи Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук. Первый побывал в монгольской столице Каракоруме в 1246 г., а второй путешествовал по территории Монголии с 1252 по 1254 гг.

Один из главных представителей советского периода по изучению кочевничества Л. П. Лашук изучил процесс классовообразования и структуру социальных организмов кочевников [28]. Он считал, что социально-экономическое положение кочевников в рамках развития всего человечества на стартовом периоде достигло примерно одного исторического уровня производственно-экономических возможностей, как и у других народов. В дальнейшем, по его мнению, несмотря на очевидную замедленность темпов социально-экономического развития кочевников, происходило разложение общинно-родового строя и развивалось кочевое общество по линии феодализма [29]. Он отмечает существование другого мнения о социально-экономическом развитии кочевников – что оно определялось совершенно иными закономер-

ностями. Сторонники данной концепции утверждают, что главным фактором общественного развития кочевников являются специфические производственно-технические условия кочевого хозяйства, которые, ко всему прочему, определяют особый «психологический тип» кочевников, резко противостоящий социальной психологии земледельцев. Последователи этой концепции за рубежом либо полностью отрицают наличие классов и классовой борьбы в кочевническом обществе, либо недооценивают их значение в процессе исторического развития кочевников. С этим мнением Л. П. Лащук не согласен. Он полагает, что общество кочевников развивалось «от племен с общинно-родовым устройством к обществам с феодальной структурой» [30].

По мнению Л. П. Лащука, нет единого мнения об общественной формации кочевников. «Одни авторы называют эту формацию рабовладельческой, другие – феодальной или патриархально-феодальной и ищут зарождение феодальной монополии кочевой знати на землю чуть ли не во времена шаньюя Модэ. Третьи же такого монопольного распоряжения землей не находят даже у поздних кочевников, когда-либо находившихся в настоящей феодальной зависимости» [31]. В связи с этим он выдвинул особый термин «кочевнический способ производства», «важнейшим экономическим признаком которого была общинная собственность на пастбища при частной собственности на скот» [32]. Он считает, что при такой кочевнической формации эксплуататорский порядок выражался в закабалении бедного скотовода экономическим путем (например, ростовщицей раздачей скота), что и создало в конечном счете основы эксплуатации капиталистического типа [33]. При этом личная зависимость простого кочевника от феодала определяется, по Л. П. Лащуку, в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Кроме этого, Л. П. Лащук в общем поддержал концепцию Б. Я. Владимирцова о развитии в монгольском централизованном государстве феодальных отношений, хотя отметил его преувеличение степени зрелости феодализма. По его словам, правильнее было бы сказать, что процесс рождения государства Чингис-хана и ближайших его преемников показал настойчивое и последовательное наступление сильной государственной власти на патриархально-родовой уклад; власти, ищущей и находящей себе социальную опору не в традиционных родоплеменных институтах, а вопреки

им, создающей себе социальную базу на началах военного вассалитета и классовых интересов вновь нарождающегося феодального эксплуататорского строя; власти, вводящей новые узаконения, которые разрушили отжившую систему прафеодальных отношений, заменив их системой обычного феодального фиска [34]. Таким образом, он попытался определить структуру, характер и своеобразие монгольского кочевого феодализма. По его мнению, сильная централизованная власть монголов опиралась на свободных воинов-нукеров, ищущих себе сильного покровителя, которые скорее были согласны признать наводящего твердые государственные порядки верховного владыку, чем верить собственные судьбы и судьбы своего имущества превратным обстоятельствам межплеменной розни [35].

Итак, на фоне исследования со стороны социальных, гуманитарных наук проблемы кочевничества все равно остаются малоизученными. Исследование жизнедеятельности кочевых народов проводилось в основном в Советском Союзе, на определенной территории которого проживали свои кочевые и полукочевые народы: казахи, киргизы, узбеки, калмыки, буряты и т. д.

На Западе проблемы кочевничества почти не изучены. Вообще европоцентрическое мировоззренческое учение не придавало значения изучению кочевого общества как предмету исследования. Это может быть связано с тем, что в Европе почти отсутствовало кочевничество. Одни называют кочевников варварами и считают, что их общественный строй не поднимается выше родового патриархального в связи со специфическими производственными особенностями, другие решительно отрицают кочевую цивилизацию. Известный английский историк Арнольд Дж. Тойнби называл цивилизацию кочевников «задержанной цивилизацией» [36]. По его мнению, кочевое общество родилось в результате ответа на вызов природной среды и после своего рождения остановилось в своем развитии. Он называет кочевников «...народом, у которого нет истории» [37] и пишет: «Кочевники направили свои усилия на преодоление вызова степи. Природа этого стимула скорее похожа на природу стимула заморских стран, чем неплодородных земель. Между степью и морем общим является то, что оба они открыты человеку только для пилигримства или временного пребывания. Ни степь, ни море (кроме оазисов и островов) не могут предоставить человеку места для посто-

янного обитания. Но и степь, и море дают широкий простор для передвижения в отличие от тех мест, где люди вели оседлый образ жизни. Однако как плата за эту благодать – человек как в степи, так и в море обречен на постоянное движение либо же вообще должен покинуть эти пределы, подыскав себе убежище» [38]. На наш взгляд, Тойнби слишком преувеличил суровость жизненных условий кочевников. Да, действительно, жизнь кочевников подчиняется годовым циклам, перемещаясь с одного места на другое в поисках новых пастбищ. Но в отличие от моря, новые пастбища в большинстве бывают уже «знакомы» кочевникам. Степные просторы есть их «родные» территории. Там кочевники живут постоянно. Кроме этого, жизнь кочевников не есть только поиск пастбищ. Ее нельзя сравнить с ситуацией неожиданности в море. Ведь в море люди живут временно, а в степях веками, тысячелетиями. Если у кочевников нет истории, по Тойнби, то тогда как объяснить действия кочевников, создавших самую большую сухопутную империю, изменившую ход мировой истории? В общем, отношение Тойнби к кочевникам есть яркий пример отношения европоцентризма к кочевым народам. Тем не менее, кочевничество является частью человеческого общества, имеющую свои культуру, ценности, мораль, нравственность, этику и т. д. Оно развивается по тем же общественным законам, как и остальное человечество.

Существует проблема в том, что кочевничество «в чистом виде» со стороны философии, социологии и других общественных наук, кроме истории и этнографии, изучено очень мало. Сегодня кочевничество существует частично в кочевом или в полукочевом виде в тех местах мира, где оно возникло. Современное кочевое (полукочевое) общество переживает период сложных перемен, выдвигающих качественно новые требования к улучшению социально-экономического положения, что требует комплексного изучения со стороны общественных наук. Имеющее тысячелетнюю историю существования кочевое общество со специфическими особенностями самобытности сегодня встречается на своем пути развития все новые и новые трудности. Выбранный им путь – правовое общество и демократия не всегда соответствует его жизненным реалиям.

Примечания

1. Андрианов Б. В., Мурзаев Э. М. Некоторые проблемы этнографии аридной зоны // Сов. этнография. 1964. № 4. С. 96.

2. Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 462.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т. 21. С. 160.
4. Там же. С. 165.
5. Там же. С. 113.
6. Там же. С. 160.
7. Маркс К. Капитал. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 96.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 480.
9. Там же. С. 480.
10. Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Сов. этнография. 1970. № 6. С. 86.
11. Там же. С. 87.
12. Маркс К. Хронологические выписки // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 5. С. 220.
13. Марков Г. Е. Указ. соч. С. 75.
14. О патриархально-феодальном отношении у кочевых народов (к итогам обсуждений) / подгот. редакцией // Вопр. истории. 1956. № 1. С. 75.
15. Большая советская энциклопедия. М., 1951. Т. 8. С. 243.
16. О патриархально-феодальном отношении ... С. 75.
17. Першиц А. И. О сущности патриархально-феодального отношения у кочевых скотоводов // Вопр. истории. 1955. № 11. С. 75.
18. Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов // Вопр. истории. 1955. № 1. С. 77-80.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 33.
20. Першиц А. И. Указ. соч. С. 75.
21. О патриархально-феодальном отношении ... С. 78.
22. Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопр. истории. 1954. № 6. С. 75.
23. О патриархально-феодальном отношении ... С. 6.
24. Там же. С. 76.
25. Марков Г. Е. Указ. соч. С. 88.
26. Там же. С. 88.
27. Там же. С. 89.
28. Лащук Л. П. О характере классовобразования в обществах ранних кочевников // Вопр. истории. 1967. № 7. С. 105.
29. Там же. С. 108.
30. Там же. С. 116.
31. Там же. С. 107.
32. Там же. С. 116.
33. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 87.
34. Лащук Л. П. Указ. соч. С. 120.
35. Там же. С. 120.
36. Тойнби А. Дж. Постигание истории. Избранное. М., 2008. С. 188.
37. Там же. С. 189.
38. Там же. С. 190.